

# Странный мир



Элизабет Анадерта

# Элизабет Анадерта

## Странный мир

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70375372](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70375372)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

Небольшой рассказ начинающего автора, посвящённый проблемам взаимоотношения общества и отдельно взятой личности. В самом деле, где ещё, если не на кухне, можно поговорить и об историях прошлого, и о бракованных карандашах, и о том, что каким бы отличающимся от других ты ни был, всегда найдётся кто-то, кто скажет, что ты важен?

# Элизабет Анадерта

## Странный мир

На старой газовой плите рядом с деревянным окошком кипел уже давно почерневший снизу чайник. Его пар завораживающе поднимался вверх и просвечивался на солнце, уходя затем к полупрозрачным белым узорам штор; к кухонным шкафчикам были привязаны разные травы, которые пожилой хозяин маленького домика сушил и использовал для заварки чая.

За небольшим полукруглым столиком сидел, изучая содержимое своей кружки, запачканный в дорожной пыли мальчик. Его лицо было покрыто свежими царапинами, а колени – грязью и кровью, но он изо всех сил старался не замечать боли, чтобы не расплакаться и не навредить какой-то своей внутренней, детской гордости: ведь если он и вправду заплачет, то придётся признать тот факт, что ему больно и обидно, и что он не может выдержать этих чувств так, как это делают взрослые. А он очень хотел быть взрослым.

На кухню шурша тапочками вошёл, привлекая к себе внимание, сухонький старичок и положил на стол бинты, вату, поставил баночку спирта, а затем, придвинув табурет, дрожащими руками начал обрабатывать царапины на лице мальчика. Дедушка не сказал ни слова с тех пор, как к нему пожа-

ловал раненый гость, но друзья понимали друг друга по одному лишь взгляду, так что и не нуждались в словах. Мальчик посмотрел в сторону кипящего чайника, а затем перевёл взгляд на старичка: “Дедуль, там чайник кипит” – казалось, говорил он. Дедушка лукаво скользнул глазами в сторону плиты, а потом вновь посмотрел на собеседника, прищурившись и мотнув головой.

– Ну и пускай кипит, – сказал он уже вслух, прерывая их затянувшееся молчание и продолжая аккуратно промакивать ваткой ранки, – Ну-с, кажется, с лицом закончили.

– Спасибо, бабушка! – тепло и радостно ответил мальчик, – С коленками я и сам справлюсь.

– Хорошо, хорошо...

Невольно охнув и схватившись за спину, старичок встал с табурета и двинулся к плите. Вскоре кухня наполнилась звуками: лёгко позвякивала посуда в трясущихся руках, тихо шипел мальчик, всё ещё стараясь сдерживать слёзы и казаться взрослым, птицы за окном щебетали о чём-то своём и отдалённые голоса доносились с шумной городской улицы...

Подобное времяпрепровождение уже стало привычным для двух друзей: они, не являясь даже родственниками, сидели вместе на старой кухне, растений в которой было больше, чем еды, и пили чай. Часто случалось так, что бабушка рассказывал интересные истории из своего прошлого, а мальчик их внимательно слушал, а бывало и наоборот – мальчик говорил о том, с чем сталкивается в жизни и какие у него

возникают мысли, а старичок слушал его, добавляя что-то от себя.

Они встретились одним знойным летним днём. Мальчик тогда сильно поругался с группой местных хулиганов и пытался найти, где бы ему спрятаться, чтобы не быть избитым. Попытки просто убежать не увенчались успехом, но на очередном повороте ребёнок заметил старый заброшенный дом и ловко перелез через трухлявый забор, прислушиваясь к шагам снаружи. Грубые голоса раздавались совсем рядом, угрожая сильно покалечить мальчика, и когда хулиганы уже собирались выломать закрытые ворота дома, те внезапно открылись, и на улицу вышел какой-то странный дедушка. Мальчик, затаившийся во дворе, с восхищением наблюдал через щель забора за тем, как храбрый старик, шаги которого он почему-то не слышал, прогоняет хулиганов, попутно поднимая шум на всей улице.

Когда всё утихло и старичок вернулся во двор, вежливый ребёнок долго извинялся за вторжение, на что его спаситель лишь махнул рукой, непринуждённо заявив о том, что он, вообще-то, и сам только что здесь оказался. А когда мальчик спросил, что именно подразумевается под “здесь”, старик лишь неопределённо развёл руками в стороны, показывая на всё вокруг, и посмотрел на своего собеседника с таким лукавым прищуром, словно за всем произошедшим скрывается какая-то большая тайна. Тайна, которую любопытный ребёнок не мог не попытаться раскрыть...

– Дедушка, – прервал молчание детский голос, – ты в прошлый раз хотел рассказать мне историю про одно из твоих путешествий, но отложил её на потом, помнишь?..

– Помню, – послышался ответ, – как уж тут не помнить...

Мальчик с воодушевлением посмотрел на друга, ожидая, что тот начнёт свой рассказ, но старичок лишь глянул на него с прищуром и загадочной полуулыбкой в ответ, не произнеся ни слова. Он неторопливо пригубил свой чай, и взгляд его устремился куда-то далеко-далеко, в совершенно другой мир, частью которого дедушке удалось стать во время своих странствий. Мальчик знал этот задумчивый взгляд и молчал в ожидании. Он верил, что дедушка, ставший ему таким близким, в самом деле является путешественником между мирами, ведь это объяснило бы и его ни на что не похожие рассказы, и неожиданные появления то там, то тут, и абсолютно неслышные шаги, и какую-то общую странность, которая выделяла его на фоне жителей этого мира, делая его здесь совсем чужим...

– В этот раз, – послышался после долгого молчания хриплый голос, – я расскажу тебе не очень радостную историю об одном одиноком мальчике...

Речь дедушки лилась плавно, несмотря на подрагивающий старческий голос, и отражалась от стен кухни, окружая единственного слушателя таинственной аурой неизведанного. Всё, кроме этого завораживающего голоса, ушло на второй план, и ребёнок уже не слышал ни щебетания птиц за

окном, ни шума городских улиц...

Мир, в котором родился безымянный мальчик, был крайне странным. Хотя, правильнее было бы сказать, что странным был не сам мир, а люди, живущие в нём. Возможно, сложно такое представить, но куда бы не упал взор простого проходящего мимо путешественника, всюду он видел красоту и эстетику, с кем бы ни заговорил, люди казались ему приятными и открытыми, любящими и уважающими окружающих. Мирок этот был совсем крохотным и напоминал небольшой город или деревню; возможно, именно поэтому он обладал такой невероятной аурой комфорта, уюта и спокойствия...

Всё население этого мира жило, если можно так сказать, в тандеме – в общеизвестном, но только им привычном ритме, где у каждого было своё место и своя роль; у них была какая-то общая особая черта, напоминающая родственность душ, но не являющаяся ею в том понимании, в котором обычно используется это выражение. Казалось, что эти люди близки друг другу не из-за человеколюбия, не из-за умения глубоко и сильно чувствовать, а только по причине своей пустоты, которая заполнялась веяниями моды и общественным мнением. Они были словно созданные по одному образцу куклы, которые отличались интересами, внешностью и приобретёнными качествами личности, но в основе своей были идентичны. На первый взгляд они могли показаться

абсолютно обычными и нормальными, но пронизательный, умный человек, пожив с ними некоторое время, понял бы, что в них отсутствует что-то поистине настоящее и искреннее.

Безымянный мальчик абсолютно отличался от них: он был совершенно некрасив, а его похожие на змеиные глаза всегда пугали окружающих; он был умён не по годам, но при этом никогда не мог понять людей вокруг; как бы ни старался к ним приспособиться, он подсознательно отрицал их мировоззрение и вносил хаос в привычную и необходимую для существования реальности систему; он был безумен, потому что из раза в раз он ошибался, из раза в раз он наступал на одни и те же грабли с надеждой, что всё изменится, что всё точно будет по-другому; он верил, он до последнего верил, что сможет стать частью мира, в котором его воспринимают как лишнюю деталь огромного социального механизма, как ненужный винтик, который проще выкинуть. Но его так и не приняли...

В десятый день рождения мальчика, этот мир исчез по неизвестным причинам.

К тому моменту, как дедушка закончил рассказывать, солнце уже почти село, а чай в кружках давно закончился. На кухне воцарилось молчание – мальчик переваривал только что полученную информацию, а дедушка, горло которого пересохло от долгого монолога, решил ещё раз поставить

чайник.

Растения тихо шелестели, немного шумела плита, а вдалеке слышались сигнальные гудки машин... Внезапно, мальчик, закончивший размышлять, спросил:

– Как думаешь, это из-за него мир исчез?

Дедушка посмотрел в потолок и поджал губы, сложив руки на груди.

– Ну, не знаю... – полушёпотом сказал он, – Мир можно разрушить только изнутри, так что это вполне возможно.

Мальчик снова погрузился в свою голову, а взгляд стал ещё более серьёзным и задумчивым.

– Знаешь, – промолвил маленький слушатель после того, как ему в кружку был налит новый чай, – я сейчас невольно вспомнил кое-что, очень задевшее меня.

Однажды, когда я был совсем-совсем маленьким, мы с мамой купили набор цветных карандашей, самый дешёвый из тех, что продавались в магазине. Мы пришли домой, довольные покупкой, и я тут же решил испробовать карандаши на деле. Однако, один из них оказался бракованным – он состоял только из дерева и в нём совсем не было грифеля, с помощью которого можно было рисовать. Мама тогда сказала, что лучшее, что этот карандаш может сделать для нас – это быть переработанным, ведь он не может выполнять ту функцию, которую выполняют его собратья. Она просто подошла к мусорке и выкинула его, а я не сопротивлялся этому, погрузившись в размышления. Я думал: “А что, если я чувствую себя

таким карандашом? Неужели лучшее, что я, не похожий на окружающих меня людей, могу сделать – это умереть?..”

Я так и не смог заснуть в ту ночь. Я размышлял о людях, таких как этот карандаш, и что-то во всей этой ситуации не давало мне покоя... Только когда начало светать, я понял, что же не так: в мире не бывает ничего бракованного или неправильного, бывает только не такое, как обычно; тот карандаш не нужно было выкидывать, ведь он, пусть им не порисуешь, всё равно не бесполезен. Ведь вы только подумайте, дедушка, что можно создать с помощью этой заострённой деревяшки! Я точно помню, как мы на ИЗО делали гравюры, и угадайте, чем мы писали на них? Правильно, совершенно безгрифельными карандашами! Именно поэтому, знаете, бракованного не бывает; бракованное – это то, чему люди не оказались способны придать абсолютно новый смысл, и в этом виноваты исключительно они сами! А этот мальчик... Он совсем как безгрифельный карандаш!

Ребёнок рассказывал об этом так воодушевлённо и искренне, что глаза дедушки невольно заслезились, когда он подумал:

*“Как жаль, что то бедное дитя тебя уже никогда не услышит”*